

духовной цензуры — и обратил в чиновников эту гуманитарно образованную прослойку русского общества.

В области светской литературы практическим задачам просвещения страны и политическим целям Петра I вполне соответствовал тип писателя-чиновника, по долгу службы выполняющего правительственный заказ. Перу таких переводчиков-трудюльбцев, которые вербовались часто из людей духовного звания, принадлежит весь комплекс книг первой четверти XVIII в., так называемых петровских изданий.

Петровская реформа идеологически преобразовала традицию старой духовной литературы. Однако секуляризация культуры в области литературы несла в себе внутреннее противоречие нового характера. Петровская эпоха допустила в литературу любовную, авантюрную, юмористическую и другую светскую тематику, признав, таким образом, за развлекательной, т. е. по существу эстетической, функцией литературы самостоятельное значение. Целесообразность труда чиновника не вызывает сомнения и не требует оправдания, независимо от того, считает он деньги или пишет и переводит. Поэтому, пока дело касалось государственных изданий, не возникал и вопрос об их целесообразности, разве что речь шла о критике с чисто технической точки зрения — точность перевода, логичность изложения и понятность языка. Писательство частного лица также не подвержено критике, если оно предпринято ради развлечения и удовольствия. Как только произведение выходит в свет, к нему начинают предъявляться общие для эпохи требования. В условиях, когда литературная деятельность являлась монополией государства, естественно, таким критерием стала государственная, общественная полезность.

Идея общественного служения и образ Петра как идеальное воплощение этой идеи в большой степени определили развитие русской мысли в первой половине XVIII в. Не был также полностью разрушен старый стереотип духовной литературы как дела исключительно серьезного. Светские произведения частных писателей, если они прямо не соотносились с таким стереотипом, встречали противодействие в силу культурной и идейной традиций. Одним из первых произведений такого рода можно считать переведенную В. К. Тредиаковским «Езду в остров любви», галантный роман П. Тальмана, или «книгу сладкия любви», как определил ее переводчик. Перевод понравился Б. А. Куракину и был напечатан при его содействии. Петербургское издание 1730 г. имело успех у светских читателей и сделало переводчика модным человеком в столице. Однако сразу последовали нападки на книгу и переводчика, исходившие, как можно предполагать по отрывочно известной переписке В. К. Тредиаковского с И. Д. Шумахером, из академических кругов и от духовенства.³

³ Пекарский П. П. История имп. Академии наук. СПб., 1873, т. II, с. 28—29.